

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XI, часть 2

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
«Наука»
2015

Т. А. Майсак
(ИЯз РАН, Москва)

**ДУБЛИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ
В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ:
корпусные данные и попытки интерпретации***

1. Введение

В агульском языке, одном из языков лезгинской группы нахско-дагестанской семьи, встречается конструкция, в которой местоименный субъект выражается при финитном глагольном сказуемом дважды. Так, в примере (1) главную клаузу можно буквально перевести как ‘я говорю я’: местоимение 1-го лица *zun* ‘я’ в форме абсолютива/эргатива присутствует здесь как перед, так и после глагола ‘говорить’ в форме презенса. Главная клауза в данном примере вводит цитату, однако оба вхождения местоимения *zun* ‘я’ к цитате не относятся — в зависимой клаузе имеется свой субъект, причем в другом падеже (дативе, как это предписывается вершиной зависимой клаузы, экспериментальным глаголом ‘видеть’).

- (1) *zun* *к.а-а* *zun*, “*ha-mi-šti*
я говорить.IPF-PRS я EM-DEM-ADV(GEN)
še? *ag.u-ne* *za-s*”.
вещь видеть.PF-AOR я-DAT
‘Я говорю, что, мол, такую вещь я видел.’

Далее мы подробнее рассмотрим эту конструкцию, которую мы будем называть конструкцией с дублированием местоимения, на материале корпуса устных текстов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-18-02429 «Корпусные исследования предикатно-аргументной структуры предложения в нахско-дагестанских языках». Мы благодарны С. Р. Мердановой за обсуждение описываемого явления, а также В. С. Мальцевой и анонимному рецензенту за плодотворные замечания к первой версии статьи.

Дублирование местоимений не является частотным, хотя встречается в спонтанной агульской речи у носителей разных поколений и не расценивается как речевая ошибка; в письменных текстах¹ и при элицитации (например, переводе предложений с русского) дублирование не отмечено. В существующих грамматических очерках агульского языка, к которым относятся прежде всего [Дирр 1907; Шаумян 1941; Магометов 1970; Тарланов 1994; 2013; Мерданова 2004], существование конструкции с дублированием не упоминается. Последнее может быть связано с тем, что агульский синтаксис и тем более дискурсивные явления в соответствующих работах практически не затрагиваются (исключение частично представляют собой две монографии З. К. Тарланова). Кроме того, примеры, которыми мы располагаем, относятся прежде всего к одному из диалектов агульского языка — хпюкскому, который служит предметом рассмотрения только в книге С. Р. Мердановой; о степени распространенности дублирования в других диалектах судить пока трудно (ниже мы вернемся к этому вопросу в разделе 5). Так или иначе, на данном этапе представляется существенным рассмотреть все задокументированные случаи использования конструкции с дублированием в имеющихся образцах естественной, неподготовленной речи хпюкцев.

Тексты, вошедшие в проанализированный нами корпус, были записаны Д. С. Ганенковым, Т. А. Майсаком и С. Р. Мердановой в 2004–2008 гг., главным образом в с. Хпюк Курахского района Республики Дагестан (небольшая часть текстов была записана в Махачкале). Общий объем корпуса составляет около 92 тыс. слов; с жанровой точки зрения он включает прежде всего нарративы (сказки, легенды, рассказы об истории и традициях села, забавных или драматических случаях из жизни сельчан), в меньшей степени представлены диалоги.

Агульские диалекты образуют весьма разветвленную систему. Хпюкский диалект представлен единственным говором небольшого

¹ Агульский язык получил письменность в 1990 г.; в настоящее время публикации на агульском языке представлены учебной литературой, публицистикой, несколькими поэтическими сборниками и произведениями фольклора, однако в целом использование письменности носит ограниченный характер (самым крупным прозаическим произведением, изданным по-агульски, остается перевод Евангелия от Луки, изданный в 2005 г.).

с. Хпюк и относится к южной периферии агулоязычного ареала, граничащей с лезгинскими селами Курахского района. Вместе с другими диалектами (несколько из которых также являются одноаульными) хпюкский принадлежит к центральной или «собственно агульской» диалектной группе, противопоставленной не взаимопонятному с ней кошанскому диалекту (на северо-востоке Агульского района). Всего в России насчитывается менее 30 тыс. носителей агульского языка². Его ближайшими родственниками, вместе с которыми он образует восточнолезгинскую подгруппу лезгинских языков, являются два более крупных языка Дагестана — табасаранский и собственно лезгинский. Как и большинство нахско-дагестанских языков, агульский — язык эргативного строя, с левоветвящимся порядком слов и базовым порядком SOV (впрочем, порядок составляющих в спонтанной речи достаточно свободен), с богатой падежной системой и развитой парадигмой видо-временных форм. В отличие от большинства нахско-дагестанских (и в т. ч. лезгинских) языков, в агульском было утрачено согласование по именному роду/классу, личное согласование также отсутствует.

Во втором разделе статьи мы подробнее рассмотрим структуру конструкции с дублированием местоимений и возможные варианты заполнения ее позиций, а также частотность различных вариантов в корпусе. Третий раздел содержит обсуждение возможных параллелей явлению дублирования в родственных языках и в типологической перспективе. В четвертом будут приведены некоторые данные об особенностях порядка слов при вводе цитат, а также высказаны предположения о происхождении агульской конструкции. Наконец, в заключении сформулированы выводы и возможные перспективы исследования.

2. Конструкция с дублированием местоимения в корпусе

2.1. Структура конструкции

Общая структура конструкции с дублированием такова: «местоименный субъект — финитный глагол — местоименный субъект». Ни первое, ни второе вхождение местоимения не отделены от гла-

² По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в стране проживает 29287 носителей агульского языка, общее число агулов составляет 34160 чел. (см. <http://www.perepis-2010.ru>).

гола паузой или сменой интонации: местоимения произносятся так же, как в стандартных случаях с препозитивным субъектом («местоимение — финитный глагол») или с постпозитивным субъектом («финитный глагол — местоимение»). Именно поэтому представляется возможным говорить в данном случае о единой конструкции, в который субъект выражен дважды, — а, например, не о сочетании целой клаузы с оборванной (типа «я... сказал я» или «я сказал... я»), ошибочно порожденной говорящим.

Конструкция с дублированием зафиксирована только при местоименном субъекте, но не при полных именных группах (типа *«отец сказал отец»)³. Более того, в конструкции представлены только местоименные субъекты — точнее, агенсы переходного глагола. В агульском, как и в родственных ему языках нахско-дагестанской семьи, агенс переходного глагола кодируется морфологически маркированным падежом, эргативом (тогда как пациенс переходного глагола и единственный актант непереходного прототипически выражаются немаркированным абсолютивом). У личных местоимений 1–2 л. ситуация осложняется тем, что морфологического противопоставления абсолютива и эргатива у них нет⁴. Поэтому определить, какое именно падежное значение использовано в конструкции с дублированием, для этих пяти местоимений (*ʒin* ‘я’, *wɪn* ‘ты’, *xin* ‘мы, инклюзивное’, *ʃin* ‘мы, эксклюзивное’ и *ʃun* ‘вы’) невозможно. Однако у демонстративов, используемых в агульском для референции к третьему лицу, а также у рефлексивного/логофорического местоимения абсолютив и эргатив различаются, ср. соответственно *me* ‘этот.ABS’ vs. *mi* ‘этот.ERG’ или *uʃ* ‘сам.ABS’ vs. *uʃi* ‘сам.ERG’. Оба вхождения в конструкции с дублированием представлены эргативами (ср. примеры (3) или (6) ниже), из чего можно сделать вывод, что в данной конструкции дублируется именно субъектное местоимение.

³ Использование субъектного местоимения после глагола при наличии субъекта, выраженного полной именной группой (условно, *«отец сказал он»), в агульском также не отмечено.

⁴ Особая форма эргатива на -ʃ имеется у личных местоимений только в керенском диалекте, в чем, по мнению Н. Д. Сулейманова [1993: 125], можно усматривать влияние лезгинского языка, где личные местоимения различают формы абсолютива и эргатива.

Заметим, что в агульском не существует морфологического различия между «сильными» и «слабыми» формами местоимений: как перед, так и после глагола выступают формы, имеющие один и тот же статус⁵. В целом в корпусе в конструкции с дублированием встречаются следующие местоимения:

- *zin*, личное местоимение 1-го л. ед. ч.;
- *čín*, личное местоимение 1-го л. мн. ч., эксклюзивное;
- *mi*, ближний демонстратив⁶;
- *uči* (ед. ч.) / *čipí* (мн. ч.), рефлексивное/логофорическое местоимение, используемое также как анафор.

Проблема определения кодирования местоимений в конструкции с дублированием не вызывает больших сложностей еще и потому, что данная конструкция зафиксирована только с одним глаголом — это основной и чрезвычайно частотный в текстах глагол речи *awas* ‘говорить’. Агентивный субъект этого глагола кодируется эргативом, при нем также допустим адресат в дативе. Как и в примере (1) выше, конструкция с дублированием представлена в главной клаузе, которая вводит цитату. Цитата при этом почти всегда располагается после главной клаузы; единственным исключением является предложение с цитатой, состоящей из отрицательного слова *wa?* ‘нет’, ср. *wa?, zin waže zin...* ‘«Нет,» — говорю я...’.

Таким образом, в уточненном виде структура конструкции с дублированием местоимения выглядит следующим образом: «мес-

⁵ Как показывает А. А. Кибрик в типологическом исследовании, свободные личные местоимения большинства языков в действительности являются «слабыми» и представляют собой клитики, т. е. просодически не полностью самостоятельные слова; «сильные» местоимения нередко совпадают со «слабыми» по форме и отличаются лишь просодической выделенностью, хотя в некоторых языках несут и дополнительное морфологическое маркирование [Kibrik 2011: 81–85, 147–151]. Судя по всему, агульские личные местоимения, так же как и русские или английские, также относятся к классу «контекстуально клитических» (contextually clitic), т. е. «слабых» в большинстве употреблений, но способных к просодическому «усилению».

⁶ В агульском языке представлена четырехчастная дейктическая система, в которой выражены два противопоставления: степень близости/удаленности объекта от говорящего и адресата и, с другой стороны, расположение объекта выше или ниже дейктического центра.

тоименный субъект — финитный глагол ‘говорить’ — местоименный субъект — цитата».

При том, что в подавляющем большинстве случаев ни одно из местоимений не отделено от глагола никаким другим материалом, имеются примеры, в которых между местоимением и глагольной формой располагается клитика. Во-первых, это может быть аддитивная энклитика *=ra*⁷ на первом вхождении местоимения, как в примере (2).

- (2) *zun-na p.u-ne zun, "ha-le k:arawut.i*
 я=ADD говорить.PF-AOR я EM-DEML кровать(GEN)
k'en.a-k kiičič'.u-naje-t-ar e,
 низ-SUB/CONT {SUB/CONT-LAT}лезть.PF-PT:PRF-S-PL COP
iže x.u-ne".
 хороший стать.PF-AOR
 ‘И я сказал: «Так вам и надо, под кроватью спрячетесь вы.»’

Кроме того, на глагольной форме может располагаться репор- тативная энклитика *vaj* ‘говорят’ (см. о ней также ниже):

- (3) *aχp:aj uč.i p.u-ne=vaj uč.i,*
 потом сам(ERG) говорить.PF-AOR=CIT сам(ERG)
"me qa-uč'.u-ne kuma.ji, kuma.ji
 DEMM RE-{IN}лезть.PF-AOR хижина(IN) хижина(IN)
uč'.u-ne tenela".
 {IN}лезть.PF-AOR наверное
 ‘А он подумал: «Он уже зашел в хижину, в хижину, на- верно, зашел.»’

2.2. Варианты лексического наполнения конструкции

Рассмотрим наиболее характерные разновидности лексического наполнения конструкции с дублированием в корпусе. Примеры (4)–(6) демонстрируют дублирование местоимений 1-го л. ед. ч., 1-го л. мн. ч. и ближнего демонстратива соответственно. Глагол в этих примерах имеет форму аориста либо презенса, а в (4) пред- ставлены оба варианта.

⁷ Конечный согласный /п/ опорного слова ассимилирует начальный согласный аддитивной клитики, превращая ее в *=na*.

- (4) *hal zun в.а-а zun, “üšťel, qel-la*
 теперь я говорить.IPF-PRS я учитель обида=ADD
та-Γ^w.а”, zun p.u-ne zun ахр:а
 ПРОН-идти.IPF я говорить.PF-AOR я потом
žamaldin.a-s, “qa üšťel, qel та-Γ^w.а”,
 Джамалдин-DAT PTCL учитель обида ПРОН-идти.IPF
p.u-ne zun...
 говорить.PF-AOR я
 ‘И теперь я говорю ему: «Учитель, не обижайся, — сказала я тогда Джамалдину, — не обижайся, учитель,» — сказала я...’
 (ср. также пример (21) ниже)

- (5) *čīn p.u-ne čīn,*
 мы:EXCL говорить.PF-AOR мы:EXCL
“ačīš.i-na gardan-ar.i-ʔ p’ac-ar
 {IN-LAT} прыгать.PF-CONV шея-PL-IN поцелуй-PL
ik’ üže...
 {IN} класть(IMP) уже
 ‘Мы сказали: «Кинься ей на шею, расцелуй... {делай, что хочешь, чтобы отвлечь внимание от канатоходца}’.

- (6) *mī ав.а-а mī*
 DEMM(ERG) говорить.IPF-PRS DEMM(ERG)
dūja-χalum.a-s, “zun Γ^w.а-s-e” в.а-а,
 Дунья-Халум-DAT я идти.IPF-INF-COP говорить.IPF-PRS
“te p:ač:ah.ti ruš q-aq’.a-s”.
 DEMT царь(GEN) дочь RE-делать.IPF-INF
 ‘И он говорит Дунья-Халум: «Я пойду, чтобы вылечить дочь того царя»’.

В примерах (7) и (8) субъект говорения выражен рефлексивным/логофорическим местоимением. Как и в некоторых других дагестанских языках (наиболее известен в этом отношении цахурский, ср. [Кибрик, Тестелец (ред.) 1999: 644–670]), в агульском местоимение данного типа в определенных случаях может быть использовано и как анафорическое. Прежде всего это происходит, когда некоторое лицо является одновременно основным участником повествования и источником информации о происходящем — иначе говоря, это пересказ истории, произошедшей с человеком, с его

слов (см. подробнее [Ганенков и др. 2009]). В основной линии подобных нарративов, как правило, последовательно используются заглазные глагольные формы: в (7) это форма перфекта/результатива, которая в агульском имеет также значение косвенной засвидетельствованности, а в (8) и в (3) выше это аорист с клитическим показателем репортатива ('я знаю это с чужих слов') *ɓaj*, восходящим к глаголу речи⁸.

- (7) *uʃ.i p.u-naa uʃ.i "pul*
 сам(ERG) говорить.PF-PRF сам(ERG) деньги
qa-dawa" p.u-naa.
 {POST}быть-PRS:NEG говорить.PF-PRF
 'А он сказал, что, мол, денег нет'.
- (8) *aɣp:a ʃülle tuk-ar a-je-guna ti-sa,*
 потом голубой цветок-PL {IN}быть-PT-TEMP DEMT-LOC(IN)
ʃip:i p.u-ne-ɓaj ʃip:i,
 сам:PL(ERG) говорить.PF-AOR=CIT сам:PL(ERG)
 "me fi žiga x.u-raj" *p.u-ne-ɓaj...*
 DEMM что место стать.PF-JUSS говорить.PF-AOR=CIT
 'Были там голубые цветы, и они сказали: «Что же это за место такое?»' (ср. также пример (18) ниже)

Наконец, пример (9), как и (3) выше, показывает, что в конструкции с дублированием глагол *awas* может быть использован не только в своем основном значении 'говорить', но и в значении 'думать'. Хотя *awas* не является основным лексическим средством для выражения данного значения (ср. специализированные сложные глаголы *fikir aq'as* 'думать' и *ɣijal ɣ'as* 'подумать; промелькнуть — о мысли'), внутренняя речь может передаваться и этим глаголом.

⁸ 8 из 9 корпусных примеров конструкции с дублированием рефлексивного/логофорического местоимения содержат глагольную форму с данным показателем (исключением является пример (7), в котором эвиденциальность выражена самой глагольной формой перфекта).

- (9) *aq alatarx.u-ne zun,*
 вниз {SUPER-ELAT}попадать.PF-AOR я
zun p.u-ne zun, "hal ʷan-ar
 я говорить.PF-AOR я теперь камень-PL
adat.a-s-e mi za-l-di".
 {IN-DOWN}пускать.IPF-INF-COP DEMM(ERG) я-SUPER-LAT
 ‘Спустился я вниз и думаю: «Сейчас она (медведица) будет
 кидать в меня камни»’.

2.3. Частотность вариантов конструкции

В общей сложности конструкция с дублированием встречается в корпусе хпюкских текстов чуть более 60 раз. Она не является принадлежностью определенного идиолекта или поколения говорящих: конструкция отмечена в текстах, представляющих речь нескольких носителей — как мужчин, так и женщин, как младшего (20–30 лет), так и старшего (60–70 лет) поколения.

Числовые данные по употреблению конструкции в корпусе суммированы в Таблице 1, где отражены два основных параметра: собственно дублирующееся местоимение и форма глагола речи⁹. В подавляющем большинстве случаев (46 из 62) конструкция отмечена с местоимением 1-го л. ед. ч., реже засвидетельствованы местоимение ‘мы’ и анафорические средства 3-го лица — ближний демонстратив и рефлексив/логофор.

Финитное сказуемое чуть более чем в половине случаев представлено формой аориста (перфективного прошедшего) глагола ‘говорить’, частотна также форма презенса — она во всех примерах используется в контексте «настоящего исторического» типа ‘и тут я ему говорю...’, ср. (4) или (6) ниже. Тем самым, конструкция встречается прежде всего в нарративном контексте, при введении в рассмотрение ситуации говорения как одного из следующих друг за другом событий повествования.

⁹ ‘Говорить’ является одним из немногих агульских глаголов с супплетивными аспектуальными основами, ср. основу перфектива (*и*)ри- (от нее образуются аорист и перфект/результатив) и основу имперфектива (*а*)ва- (от нее образуются презенс и хабитуалис).

Таблица 1. Конструкция с дублированием в хпокском корпусе

Глагол Субъект	<i>ripe</i> (аорист)	<i>ripaa</i> (перфект)	<i>avaa</i> (презенс)	<i>avaje</i> (хабит.)	Итого
<i>zun</i> (1SG)	23		19	4	46
<i>č̣in</i> (1PL.EXCL)	2		2	1	5
<i>mi</i> (3SG)		1	1		2
<i>uči</i> (3SG)	5	1	1		7
<i>č̣ipi</i> (3PL)	2				2
Итого	32	2	23	5	62

3. Типологические параллели и функция дублирования

Явление дублирования местоименных субъектов, лишь недавно открытое в хпокском говоре, ранее в описаниях агульского языка не упоминалось. Не исключено, что оно может быть обнаружено и в других языках нахско-дагестанской семьи (многие из которых изучены все еще недостаточно, особенно в том, что касается дискурсивных явлений), однако на сегодняшний день, насколько нам известно, о существовании подобной конструкции в каком-либо из них не сообщалось. Более того, в отличие от распространенного в языках мира повтора клитических, особенно объектных, местоимений — в частности, в балканских языках, — дублирование полных местоимений является типологической редкостью [De Vogelaer 2008: 233]. Тем не менее, ниже мы попробуем сравнить агульское дублирование местоимений с возможными аналогами этого явления в других языках, начав с ближайшего родственника агульского — табасаранского языка.

3.1. Личное согласование в табасаранском

В языках лезгинской группы личное согласование является инновацией и развилось (независимыми и достаточно непохожими путями) в двух языках, табасаранском и удинском. Табасаранский, таким образом, является единственным среди восточнолезгинских языков, в котором и сохранилось согласование по именному роду/классу, и возникло личное согласование; в двух других языках — лезгинском и агульском — ни один тип согласования не представлен.

Система личного согласования в табасаранском варьирует по диалектам, но в целом она устроена следующим образом (подробнее см. [Магометов 1965: 196–216; Кибрик, Селезнев 1982;

Кибрик 2003: 417–477; Богомолова 2012]). Личные показатели восходят к падежным формам личных местоимений 1–2 л. и располагаются на глаголе; согласования с третьим лицом нет. Субъектное согласование ориентировано на единственный ядерный аргумент непереходного предиката (S) либо на агенс переходного (A), однако при переходном глаголе возможно и полиперсонное согласование, когда в определенных случаях (при коммуникативном выделении) на глаголе маркируется не только агенс, но и другой аргумент. За исключением некоторых особых контекстов, согласование обязательно; при этом субъектное местоимение может как присутствовать, так и отсутствовать.

В примерах (10а) и (10б) показано простое субъектное и полиперсонное согласование в говоре с. Кандик, относящемся к южному диалекту (данные из работы [Кибрик 2003: 471–474]). В (10а) личный показатель контролируется субъектом непереходного глагола ‘оказаться (где-либо)’, тогда как в (10б) помимо агентивного субъекта глагола ‘ударить’ возможно факультативное маркирование реципиента, выражаемого дативом¹⁰.

- (10) а. Согласование с субъектом одноместного глагола
<i>uzu</i>	<i>hari?</i>	<i>aqun-zu</i>	‘я в лесу оказался’
<i>uvu</i>	<i>hari?</i>	<i>aqun-u</i> (< -vu)	‘ты в лесу оказался’
<i>či</i>	<i>hari?</i>	<i>aqnu</i>	‘сестра в лесу оказалась’
- б. Согласование с аргументами двухместного глагола
<i>uzu</i>	<i>uvuz</i>	<i>vivun-za(-vuz)</i>	‘я тебя ударил’
<i>uzu</i>	<i>učuz</i>	<i>vivun-za(-čuz)</i>	‘я вас ударил’
<i>uzu</i>	<i>čičuz</i>	<i>vivun-za</i>	‘я сестру ударил’

Учитывая, что табасаранские согласовательные маркеры явным образом развились из личных местоимений, в примерах с выраженным местоименным субъектом можно видеть грамматикализованный аналог дублирования, представленного в агульском.

¹⁰ Хотя в табасаранском, как и в агульском, личные местоимения не различают форм абсолютива и эргатива, у личных показателей противопоставлены две серии — пациентивная, морфологически соответствующая абсолютиву личного местоимения (ср. -zu) и агентивная, имеющая другую огласовку (ср. -za). Это факт может указывать на вторичность синкретизма абсолютива и эргатива [Алексеев 1985: 73].

Тем не менее, ситуация в двух языках значительно различается. Во-первых, агульское дублирование затрагивает не только первое лицо, но и третье, которое в табасаранском находится вне системы согласования. Во-вторых, постглагольные местоимения в агульском (не считая самого факта избыточности двойного выражения субъекта) ни в чем не напоминают показатели согласования — они просто совпадают с полными местоимениями и ни формально, ни функционально не проявляют существенных признаков грамматикализации. Так, повтор местоимения не является обязательным (и, более того, крайне редок), имеет ограниченное лексическое наполнение, а само местоимение в позиции после глагола не подвергается морфологизации.

3.2. Дублирование личных местоимений в крызском

Обсуждая личное согласование в табасаранском языке, А. А. Магометов [1965: 19, 216] замечает, что большее развитие оно получило в северном диалекте, который находится в тесном контакте с азербайджанским языком тюркской семьи (имеющим личное спряжение). Тем самым, не исключена возможность влияния азербайджанского («как одного из факторов», что подчеркивает А. А. Магометов) на развитие табасаранского личного согласования. В этой связи интересно, что удинский язык, второй язык лезгинской группы с личным согласованием, хотя и с отличной от табасаранской системой, распространен именно в Азербайджане и на протяжении многих веков находится в контакте с азербайджанским языком¹¹.

Помимо удинского, целиком на территории Азербайджана находятся еще два из девяти языков лезгинской группы — крызский и будухский. Как указывает М. Е. Алексеев, «факты личного субъектного согласования... отмечаются и в крызском языке: *зын карджаьн тезпаьчаь шер-зын* ‘я на работу спешу’, *зын марка конвертджуь кьуькodu-зын* ‘я марку на конверт наклеил’, но

¹¹ Впрочем, система личного согласования отражена еще в древнеудинских (кавказско-албанских) палимпсестах, которые датируются периодом между концом VII в. и X в. [Gippert et al. 2008: II–52]. Это ставит под сомнение именно тюркское влияние на удинский, т. к. оно началось несколько позже. Личное согласование, однако, представлено и в других языках, оказавших влияние на удинский (армянском, персидском).

аьныр зын аьтаьджи ‘он меня побил’» [Алексеев 1985: 134]; здесь обращает на себя внимание повтор после глагола субъектного местоимения первого лица (*зын* ‘я’), но не третьего. Параллелей с азербайджанским М. Е. Алексеев не приводит, однако исследователь крызского языка Ж. Отье напрямую соотносит данное явление с контактным влиянием. По данным Ж. Отье, повтор личных местоимений после глагола в крызском чрезвычайно распространен, причем не только для субъектов, но и для других аргументов и даже адъюнктов [Authier 2010: 31–32]. Постглагольные местоимения при этом являются энклитиками (иначе их позиция нарушала бы правило конечного положения финитного сказуемого) и могут сочетаться с использованием местоименного субъекта перед глаголом. Наиболее систематически повтор местоимения происходит в случае, если субъект располагается в предглагольной фокусной позиции после топикализованного объекта, ср.:

- (11) Повтор личного местоимения в крызском [Authier 2010: 31]
<i>lam</i>	<i>ğizil-bi</i>	<i>zin</i>	<i>sa'a-ca-zin</i>
DIST	gold-PL	1	throw-PERF-1
- ‘Это я бросал те золотые монеты’.

В агульском, однако, мы не находим примеров дублирования местоимения в контекстах типа (11); в хпюкском оно возникает исключительно в конструкции с глаголом речи, вводящей цитату. Что же касается влияния азербайджанского языка на повтор местоимений после глагола, то эту возможность нельзя отрицать для крызского, удинского или даже табасаранского. Агульский же (наряду с арчинским) среди языков лезгинской группы был подвержен азербайджанскому влиянию в наименьшей степени: агулоязычный ареал не граничит с азербайджанскими селами, и нет оснований предполагать сколько-нибудь значимое знание агульцами азербайджанского языка в прошлом¹². В свою очередь, развитие «по цепочке» через табасаранский язык представляется маловероятным: его можно было бы подозревать скорее для географически близкого кошанского диалекта (о котором см. далее в

¹² В этнографическом очерке 1960 года отмечается, что «с азербайджанским языком были знакомы только те агулы, которые бывали в Азербайджане в качестве отходников» [Косвен и др. 1960: 535].

разделе 5), однако не для хпюкского, смежного с лезгиноязычным, но не табасараноязычным, ареалом.

3.3. Дублирование местоимений в языках Европы

В качестве несколько более далекой типологической параллели следует упомянуть явление местоименного дублирования (называемого также повтором, репризой, удвоением и пр.), отмечаемое, в частности, в балканских языках и ряде других языков Европы. Оно состоит в том, что в одной клаузе, помимо полной именной группы, присутствует и кореферентное ей клитическое местоимение, появление которого, как правило, бывает вызвано такими семантическими признаками, как определенность, референтность, топикальность и пр.¹³ Ср. следующие примеры, в которых определенная именная группа '(эта) книга' дублируется объектной клитикой; оба предложения произносятся в ответ на вопрос типа «кто прочитал книгу?» или «что Анна сделала с книгой?» (данные по [Friedman 2008: 49–50]).

(12) а. Дублирующая объектная клитика в албанском

Ana e lexoi libr-in.
A. it read book-DEF.ACC

б. Дублирующая объектная клитика в греческом

Ana to dhiavase to vivlio.
A. it read the.ACC book.ACC

в. Дублирующая объектная клитика в македонском

Ana ja pročita kniga-ta.
A. it read book-the

‘Анна прочитала книгу.’

Использование при дублировании «сильных», морфологически отличных от клитических, местоимений встречается гораздо реже. Обе конструкции отмечаются в нидерландских диалектах, где дублирование при помощи «сильных» местоимений признается более редким и вторичным по сравнению с повтором, задействующим клитические местоимения [De Vogelaer 2008]. Примеры

¹³ Литература по местоименному дублированию данного типа весьма обширна; из работ последних лет см., в частности, обобщающий сборник статей [Kalluli, Tasmowski 2008], а также типологический обзор [Arkadiev 2010].

типа (13) напоминают приводившиеся выше агульские за тем исключением, что в нидерландском конструкция не ограничена глаголом речи. Согласно описанию [De Vogelaer, Devos 2008], дублирование при помощи «сильных» местоимений происходит прежде всего в клаузах, содержащих местоименный субъект с высокой степенью топикальности.

- (13) Дублирование субъектных местоимений в брабантских диалектах нидерландского [Barbiers 2008: 10]

Zij werkt zij in Brussel.

she works she in Brussels

‘Она работает в Брюсселе’.

3.4. Функции дублирования местоимений в агульском

Возвращаясь к агульской конструкции с дублированием, следует отметить, что ее использование также связано с топикальным статусом участника. Вместе с тем, более точно охарактеризовать прагматические или дискурсивные факторы, влияющие на выбор конструкции, пока не представляется возможным.

Так, в значительном числе примеров (не менее трети) дублирование используется при смене топика от одного участника эпизода к другому: ‘Х что-то сделал, а затем (в ответ на это) я/мы/он(и) сказал(и)...’. Ср. следующие примеры, в которых, для облегчения восприятия, мы ограничились переводом с указанием используемой конструкции (предшествующий контекст резюмирован в фигурных скобках).

- (14) ‘{Пришло извещение о гибели отца на войне, и мы уже справили поминки; но неожиданно через полгода отец вернулся.} **И я сказал** (*zün püne zün*), я был маленьким ребенком... я сказал маме: «Быстро беги, к нам домой пришел один нищий’.
- (15) ‘{Когда мы подшутили над учителем, он мне сказал: «Ты староста класса, расскажи мне, кто это сделал, или ты будешь виновата.»} **А я сказала** (*zün püne zün*): «Я не знаю, учитель», — я не смогла предать их и сказала, что не знаю, и так отвязалась от него’.
- (16) ‘{Я спросила Магомед-Загира: «Почему вдруг козы полезли через забор?» Он говорит: «Они увидели волка и хотят

- погнаться за ним».} **Я говорю** (*zup awaa zup*): «Слушай, если так, то это действительно волк»’.
- (17) ‘{Два друга увидели красоту женщины и стали спорить, кто возьмет ее в жены.} И **она говорит** (*mi pūnaa mi*), эта женщина: «Мое богатство вот так расплылось, и муж мой пропал, и оба моих сына, одного унес орел, а другого унесла река»’.
- (18) ‘{Две женщины заблудились в горах и в друг попали в удивительное место, где росли голубые цветы. Была зима, но там повсюду росли цветы.} И **они сказали** (*ćirli rīpe-waj ćirli*): «Что же это за место такое? Мы в это место попали среди зимы, разве растут цветы зимой?»’ (ср. эту фразу в примере (8) выше)

Во многих случаях, однако, смены топики не происходит, и участник ситуации говорения, которая вводится конструкцией с дублированием, остается текущим топиком (continuing topic):

- (19) ‘{Когда решили восстановить мечеть в селе, несколько лет пришлось вести переговоры. В конце концов я сказал, что в селе без мечети добра не бывает.} И **я сказал** (*zup rīpe zup*), обсудив это с людьми, что на том месте, где люди согласятся, на каком-нибудь новом месте построим мечеть»’.
- (20) ‘{Две женщины пошли через горы в другое село. Стемнело, и им показалось, что они сбились в пути. Вдруг они увидели вдалеке огни селения.} И когда увидели, **они подумали** (*ćirli rīpe-waj ćirli*), что, наверное, скоро уже доберутся»’.
- (21) ‘{На уроке все ученики занимались своими делами и не слушали учителя. Одна я сижу и делаю вид, что слушаю урок.} И теперь **я говорю** (*zup awaa zup*) ему: «Учитель, не обижайся, — **сказала я** (*zup rīpe zup*) тогда Джамалдину, — не обижайся, учитель, ведь со мной никто не будет разговаривать, я присоединюсь к ним»’. (ср. начало этой фразы в примере (4) выше)

В последних примерах функция дублирования не вполне ясна. Не исключено, что на выбор конструкции оказывают влияние несколько факторов помимо собственно свойств референта. Так,

можно заметить, что некоторые клаузы с дублированием начинают новый эпизод повествования — независимо от того, происходит при этом или нет смена участника. В этом отношении интересно сравнить примеры, в которых конструкция с дублированием соседствует с клаузой, также вводящей цитату, но использующей обычный порядок «субъект — глагол». В рассказе (22) о том, как сельчанин решил поугагать пожилую женщину, заговорив голосом ее умершего родственника, сцена, где он пытается схватить ее и утащить с собой, сменяется диалогом о том, раздаст ли она садака́ (милостыню, пожертвования). В (23) эпизод с шуткой по поводу носа собеседника сменяется сценой драки после обвинения того же собеседника в краже. В обоих случаях клауза с дублированием субъекта начинает новый эпизод, тогда как клауза со стандартным порядком либо продолжает текущий, как в (22), либо заканчивает предшествующий, как в (23).

- (22) ‘{Потом я решил больше не тащить ее за собой.} Я сказал ей (*zun pune zun*): «Ты хотя бы садака раздаешь, за меня, за себя?» «Клянусь, — говорит, — деньги у Эминат находятся, я ничего не могу сделать, а дочь говорит, что раздаст». Я говорю (*zun pune*): «Я узнал, что ты не раздавала, и вернулся». {Она закричала дочери: «Эминат, Эминат, дай, прямо сейчас дай ему садака, пусть он от меня отстанет!»}’
- (23) ‘{Мы ездили в соседнее село грузить сено, и я пошутил там про нос одного мужика. Потом мы вернулись, и вдруг он сказал: «А ведь ты, гад, меня оскорбил, сказав, что с моим носом что-то случилось».} Я сказал (*zun pune*): «Послушай, что из этого делать это самое?» И тогда я решил (*zun-na pune zun*), мол, дай-ка я его еще немного поддену. {А все уже выпили и были пьяные. «Скажи честно, — сказал я, — куда вы дели баранов, которых украли вместе с сыном Сефера?»}’

Использование при цитате стандартного порядка «субъект — глагол» характерно именно для нейтрального случая — смены участника в рамках того же эпизода; наиболее ярко это видно применительно к достаточно многочисленным примерам с субъектом 3-го лица типа приводимых ниже:

- (24) ‘{Когда мать парня заболела, ее невестка говорит: «Мама, мама, чего тебе хочется?»} Она говорит (*mi awaa*): «Мне, дочка, приготовь хинкал с курицей и дай»’.
- (25) ‘{Приехал он и говорит второму зятю, спрашивает у второго зятя: «Ну как тебе моя дочь, понравилась?»} А тот сказал (*mi rine-waj*): «Клянусь, очень хорошо, только очень уж скандальная, никак не замолкает»’.

Ниже в разделе 4.1 будут представлены количественные данные о соотношении различных типов порядка глагола и субъекта при вводе цитаты (субъект до глагола, после глагола и в обеих позициях). Как показывают подсчеты в Таблице 2, доля конструкции с дублированием несколько различается в зависимости от глагольной формы: а именно, для презентных форм эта доля чуть больше, чем для форм прошедшего времени¹⁴. Так, на вариант *zun rine zun* ‘я сказал я’ с аористом приходится лишь примерно девятая часть от всех трех порядков (23/202), тогда как на *zun awaa zun* ‘я говорю я’ с презентом — почти треть (19/59). Это означает, что выбору конструкции с дублированием может дополнительно способствовать более экспрессивный и «живой» режим повествования в «настоящем историческом», который сам по себе нередко бывает связан с противопоставлением данного и нового (часто неожиданного) либо предшествующего и последующего действий (ср. [Бондарко 1971: 147–148]).

В целом же ни смена текущего топика, ни начало нового эпизода, ни выбор режима повествования, по-видимому, не определяют полностью выбор конструкции с дублированием, так что выявление условий ее употребления во многом остается делом будущего.

4. Порядок слов при вводе цитаты и возможное происхождение конструкции с дублированием

Как представляется, возникновение агульской конструкции с дублированием во многом связано с особенностью самой структуры предложений, вводящих цитаты, и в частности с порядком слов в таких предложениях.

¹⁴ Мы благодарим за указание на этот факт анонимного рецензента.

4.1. Частотность постпозиции субъекта

Выше мы уже упоминали, что базовым порядком слов в агульском, как и в других нахско-дагестанских языках, является S(O)V. При этом в спонтанных нарративах (в целом склонных к относительно свободному порядку) постпозиция субъекта по отношению к глаголу вполне распространена, ср. фрагмент основной линии одного из рассказов:

- (26) *q-uš.u-ne zun χul.a-s, uq'.u-ne zun,*
 RE-уходить.PF-AOR я дом-DAT садиться.PF-AOR я
“qa-uχ.u-na k:ande-a” p.u-ne zun,
 RE-пить.PF-CONV нужно-PRS говорить.PF-AOR я
“sa bic’i”...
 один маленький
 ‘Пришел я домой, посидел, решил, что надо еще немного выпить... {и, взбодрившись, вернуться туда}’.

В предложениях, вводящих цитату (P), стандартно используется один из двух порядков:

- SVP, т. е. «субъект — глагол говорения — цитата» (27),
- либо PVS, т. е. «цитата — глагол говорения — субъект» (28).

- (27) *αχp:a baw.a p.u-naa, “wa?” p.u-naa,*
 потом мать(ERG) говорить.PF-PRF нет говорить.PF-PRF
“š.u-na jac-ar žik’ar-q’-e”...
 уходить.PF-CONV бык-PL искать-делать-IMP
 ‘Тогда мать сказала: «Нет, идите и найдите быков...»’

- (28) *“qu-ŋ“.a-jde req: na-f-tawa gada.ji-s”,*
 RE-идти.IPF-PT:HAB дорога знать-S-COP:NEG boy-DAT
p.u-naa me dad.a.
 говорить.PF-PRF DEMM отец(ERG)
 ‘«Мальчик не знает обратной дороги», — говорит отец’.

Более того, второй порядок слов, с главной клаузой после цитаты и постпозицией субъекта, по частотности преобладает. Это хорошо видно по данным, представленным в Таблице 2, где сравнивается частотность двух порядков слов (SV и VS) и конструкции с дублированием (SVS); подсчеты проводились для тех форм глагола и местоимения, которые встретились в корпусе для конструкции с дублированием (данные по ней взяты из Таблицы 1).

Таблица 2. Порядок субъекта и глагола речи в хпюкском корпусе

S — местоимение	V — глагол речи	SV	VS	SVS
<i>zun</i> (1SG)	<i>ripe</i> (аорист)	10	169	23
<i>zun</i> (1SG)	<i>аваа</i> (презенс)	2	38	19
<i>zun</i> (1SG)	<i>аваје</i> (хабитуалис)	0	21	4
<i>čīn</i> (1PL.EXCL)	<i>ripe</i> (аорист)	2	7	2
<i>čīn</i> (1PL.EXCL)	<i>аваа</i> (презенс)	1	8	2
<i>čīn</i> (1PL.EXCL)	<i>аваје</i> (хабитуалис)	0	1	1
<i>mī</i> (3SG)	<i>ripaa</i> (перфект)	4	71	1
<i>mī</i> (3SG)	<i>аваа</i> (презенс)	19	35	1
<i>uči</i> (3SG)	<i>ripe-vaј</i> (аорист + СИТ)	1	38	5
<i>uči</i> (3SG)	<i>ripaa</i> (перфект)	0	1	1
<i>uči</i> (3SG)	<i>аваа-vaј</i> (презенс + СИТ)	0	4	1
<i>čīri</i> (3PL)	<i>ripe-vaј</i> (аорист + СИТ)	1	0	2
Всего		40	393	62

Сравнение колонок SV и VS ясно показывает, что для всех комбинаций субъекта и глагола (за единственным незначимым исключением в последней строке) постпозиция субъекта частотно преобладает, иногда в десятки раз. Общее соотношение порядков VS/SV составляет приблизительно 10/1, хотя обращает на себя внимание существенно меньшая разница (всего лишь около 2/1) в случае субъекта *mī* 'он' и глагола в форме презенса. Интересно, что в целом ряде случаев, в том числе для двух наиболее частотных вариантов конструкции с дублированием (*zun ripe zun* 'я сказал я' с аористом и *zun аваа zun* 'я говорю я' с презенсом) порядок SV встречается гораздо реже, чем эта конструкция: например, клауза *zun ripe zun* 'я сказал я' в корпусе более чем вдвое частотнее «канонической» с синтаксической точки зрения структуры *zun ripe* 'я сказал'. Эту закономерность можно перефразировать и так, что если в конструкции, вводящей цитату, присутствует препозитивный субъект 1-го л. ед. ч., он с большой вероятностью будет продублирован после глагола.

Понятно при этом, что высокая частотность порядка VS в значительной степени вызвана «плеонастическим» использованием глагола говорения, когда 'сказал я' ('сказал он' и т. п.) говорящий

использует в предложении несколько раз¹⁵, вставляя эти слова после частей цитаты, далеко не обязательно представляющих собой целые клаузы, ср.:

- (29) *“abaw” p.u-ne zun, “wa-s za-h-as*
 тетя говорить.PF-AOR я ты-DAT я-ANTE-ELAT
guč’ ma-x.a”, p.u-ne zun, “wa-s
 страх ПРОН-статья.IPF говорить.PF-AOR я ты-DAT
za-h-as guč’ ma-x.a”, p.u-ne zun,
 я-ANTE-ELAT страх ПРОН-статья.IPF говорить.PF-AOR я
“me ul”, p.u-ne zun, “ul.i-l
 DEMM глаз говорить.PF-AOR я глаз-SUPER
kajš.i-naa we”, p.u-ne zun.
 вставить.PF-PRF твой говорить.PF-AOR я
 ‘«Тетя, — сказала я, — ты меня не бойся, — сказала я, — ты меня не бойся, — сказала я, — один глаз, — сказала я, — у тебя не дает видеть другому», — сказала я’. (Под глазами в данном случае подразумеваются две дочери тети.)

В таких случаях клаузы типа «сказал я» по сути не выступают в виде главных предикатов (с цитатой в роли сентенциального зависимого), а являются относительно автономными вводными словами, осуществляющими «привязку» цитаты или ее частей к дискурсу — а именно, указывающими, что тот синтаксически независимый дискурсивный фрагмент, который произносится, является цитатой¹⁶.

Кроме того, порядок VS с глаголом речи встречается и после составляющей, входящей в главную клаузу (но не в абсолютном начале клаузы), — например, после адресатной именной группы (30) или наречия (31).

¹⁵ Плеонастическое использование в агульских устных нарративах свойственно и финитным формам глагола речи без субъекта (ср. буквальный перевод одной подобной цитаты из корпуса: «Мулла, — сказала, — я сегодня сон видела, — сказала, — про своего мужа, — сказала, — ты, — сказала, — посмотри в книге, что он значит»).

¹⁶ Ср. обсуждение отличия цитат от сентенциальных дополнений, в типологической перспективе, в [Güldemann 2008: 224–233].

- (30) *bigim.a-s p.u-ne zun, "wun salam*
 Бигим-ДАТ говорить.PF-AOR я ты приветствие
tin" p.u-ne zun.
 давать(IMP) говорить.PF-AOR я
 'Я сказала Бигим: «Поздоровайся с ними»'.
- (31) *axpa av.a-a mi, "χink'-ar*
 потом говорить.IPF-PRS DEMM(ERG) хинкал-PL
aq'.u-na tin za-s".
 делать.PF-CONV давать(IMP) я-DAT
 'Ну вот, она говорит: «Приготовь хинкал и дай мне»'.

Как бы то ни было, порядок с постпозицией (местоименного) субъекта при глаголе речи является настолько преобладающим, что он не мог не сыграть свою роль в возникновении конструкции с дублированием.

4.2. Вариативность позиции субъекта и дублирование

Можно выдвинуть несколько различных гипотез о сценарии возникновения конструкции с дублированием местоименного субъекта. Так, можно было бы предположить, что модель SVS основана на «канонической» структуре с порядком SV, которая была «усилена» еще одним вхождением субъекта после глагола, ср. схематическое изображение:

[МЕСТОИМЕНИЕ ГЛАГОЛ] + МЕСТОИМЕНИЕ
 (например, *zun pine* 'я сказал' + *zun* 'я').

Однако такая ситуация выглядела бы правдоподобной в том случае, если бы порядок «субъект — глагол речи» был доминирующим, а конструкция с дублированием (как инновативная структура, появившаяся в определенном дискурсивно-прагматическом контексте) составляла бы сравнительно небольшую часть от всех употреблений с начальным субъектом. В действительности же корпусные данные показывают нам противоположную картину: структура «субъект — глагол речи» для большинства местоимений редка, и конструкция с дублированием даже превышает ее по частотности.

Это заставляет искать для конструкции с дублированием другой источник. По нашему мнению, своим появлением она обязана в первую очередь распространенности постпозитивного

субъекта при глаголе речи — частотной настолько, что структура «глагол речи — субъект» стала использоваться в речи как единый устойчивый «блок». Соответственно, при порождении начального субъекта за ним во многих случаях автоматически следовало не просто финитное сказуемое, но целый «блок», включающий финитный глагол с постпозитивным субъектом:

МЕСТОИМЕНИЕ + [ГЛАГОЛ МЕСТОИМЕНИЕ]
(например, *zun* ‘я’ + *pune zun* ‘сказал я’).

Использование в качестве «строительного блока» сочетания глагола речи и субъекта является при этом лишь тенденцией: каноническая структура «субъект — глагол» по-прежнему может быть порождена. Тем не менее, эта тенденция довольно сильна, так что конструкция с дублированием начинает сама по себе превращаться в устойчивое сочетание, по крайней мере при некоторых наборах компонентов (*zun pune zun*, *zun awaa zun*).

Предлагаемый путь развития поддерживается единственным в хпюкском корпусе примером (32), в котором первый местоименный субъект отделен от глагола речи и повторного вхождения субъекта именной группой, обозначающей адресата речи: в данном случае очевидно, что *awaa zun* ‘говорю я’ образуют более тесное сочетание, нежели *zun awaa* ‘я говорю’.

- (32) *zun q’ulban.a-s aw.a-a zun, “fi e*
я Курбан-DAT говорить.IPF-PRS я что COP
q’.u-f” aw.a-a.
делать.PF-S говорить.IPF-PRS
‘Я спрашиваю у Курбана: «Что случилось?»’

Аналогично устроен пример конструкции с дублированием, уникальный для хпюкского корпуса в том отношении, что он включает не глагол речи, а глагол движения ‘идти’: первое вхождение субъекта отделено вопросительным наречием ‘как?’ от комплекса «финитный глагол + повтор субъекта».

- (33) {«Давай пойдем в суд», — сказал он Малле Насреддину.}
“*zun fi-šti ʕw.a-j-e zun*”,
я что-ADV идти.IPF-CONV-COP я

ав. а-ј-е

тi.

говорить.IPF-CONV-COP DEMM(ERG)

‘«Как я пойду? — говорит тот. {— Ты едешь на осле, а у меня нет транспорта}’.

5. Выводы и перспективы

Итак, мы рассмотрели конструкцию с дублированием субъектного местоимения после глагола в одном из агульских диалектов. Эта конструкция свойственна именно спонтанной речи и не является очень частотной. При этом подавляющее большинство корпусных примеров демонстрируют конструкцию, финитным сказуемым в которой является один и тот же глагол — основной глагол речи (и один из наиболее частотных агульских глаголов вообще) ‘говорить’. Наиболее частотным типом субъекта в данной конструкции является местоимение первого лица ‘я’; на сочетания «я сказал я» с аористом и «я говорю я» с презенсом глагола речи приходится более двух третей всех употреблений конструкции в корпусе. Вместе с тем, эти выражения не являются застывшими формулами: в состав конструкции могут входить и другие формы глагола, а также другие местоимения. Более того, в единичных случаях (ср. пример (33)) мы встречаем использование в конструкции с дублированием не глагола речи, а другой лексемы.

Особенности порядка слов при вводе цитат (преобладающая постпозиция субъекта речи в случае, если главная клауза, вводящая цитату, располагается после цитаты или ее части) позволяют предположить, что конструкция с дублированием не представляет собой «каноническую» клаузу с порядком «субъект — глагол», после которой говорящий вторично употребляет субъектное местоимение. Скорее, речь идет о контаминации начального субъекта (после которого в редких случаях может располагаться другая составляющая) и частотного в нарративах порядка «глагол — субъект».

Наличие лишь небольшого количества агульских текстов прошлого века (и полное отсутствие памятников агульского языка до начала XX века¹⁷) не дает нам возможности представить сце-

¹⁷ Самые ранние образцы агульских текстов (на буркиханском говоре) содержатся в приложении к грамматике [Дирр 1907]; ср. также

нарий возникновения конструкции с дублированием более точно. Остается пока открытым и вопрос о степени распространенности этой конструкции по диалектам. В нашем диалектном корпусе, записанном в середине 2000-х гг., единичные примеры конструкции с дублированием, включающие глагол речи, обнаруживаются в фитинских, цирхинских и буршагских текстах; впрочем, объем корпуса для каждого из этих говоров в несколько раз меньше хпюкского.

Нельзя при этом исключать и того, что в разных диалектах структура конструкции с дублированием, а также ее функции будут не вполне тождественны. Так, в текстах, приложенных к грамматике агульского языка Р. М. Шаумяна [1941: 130–135], имеются примеры дублирования личного местоимения в буршагском (34) и худигском (35) говорах кошанского диалекта¹⁸. С формальной точки зрения интересно, что в обоих случаях первое вхождение местоимения отделено от комплекса «финитный глагол (или связка) + повтор местоимения» другим материалом, причем в (35) таким материалом является достаточно «тяжелая» именная группа. Ни в одном из примеров дублирование не происходит в типичном для хпюкского говора контексте — клаузе, вводящей цитату. Конструкция употреблена здесь не в основной линии нарратива, а в речи персонажа, участие которого в определенной ситуации (либо, соответственно, наличие у него определенной характеристики) оказывается коммуникативно выделенным.

- (34) {Жена сказала: «Мы это сделали, следуя твоему письму».}
<i>“zun</i>	<i>li-šti</i>	<i>p.u-nda</i>	<i>zun”</i>
я	DEML-ADV	говорить.PF-AOR:NEG	я
<i>p.u-naw</i>		<i>sawdagar.di.</i>	
говорить.PF-AOR		купец(ERG)	
- ‘«Я такого не писал (букв. не говорил)», — сказал купец’.

комментированное переиздание всего корпуса агульских текстов первой половины XX в. [Майсак 2014].

¹⁸ Тексты были записаны в 1933–34 гг. Трудно судить, насколько они представляют неподготовленную речь носителей языка; скорее всего, они записывались исследователем на слух пофразово.

- (35) {Его увидел аждаха и спросил: «Кто ты такой?»}
min.di, “zun ha-mi žil.i-n pač’č’ah
 DEMM(ERG) я EM-DEMM земля-GEN царь
wu zun” p.u-na, žawab i-naw.
 COP я говорить.PF-CONV ответ давать:PF-AOR
 ‘Тот сказал: «Я правитель этой земли»’.

Таким образом, в перспективе интерес представляет не только фиксация наличия в агульских (и родственных ему) идиомах необычной и остававшейся ранее незамеченной конструкции, но и анализ вариативности ее формальных и дискурсивно-прагматических свойств в русле внутригенетической типологии.

Список условных сокращений

ADD — аддитивная клитика; ADV — наречный показатель; ANTE — локализация ‘перед’; AOR — аорист; CIT — пересказывательность; CONV — деепричастие; COP — связка; DAT — датив; DEMM/DEML/DEMT — серии демонстративов; DOWN — направление ‘вниз’; ELAT — элатив; EM — эмфатический дейктический префикс; ERG — эргатив; EXCL — эксклюзив; GEN — генитив; JUSS — юссив; IMP — императив; IN — локализация ‘внутри’; INF — инфинитив; IPF — основа имперфектива; LAT — латив; LOC — локативный показатель; NEG — отрицание; PF — основа перфектива; PL — множественное число; PRON — прохибитив; POST — локализация ‘сзади’; PRS — настоящее время; PT — причастие; PT:HAB — хабитуальное причастие; PT:PRF — перфектное причастие; PTCL — частица; RE — рефактивный префикс; PRF — перфект/результатив; S — показатель субстантивации; SUB/CONT — локализация ‘под’ / ‘в контакте’; SUPER — локализация ‘сверху’; TEMP — темпоральная форма глагола (‘когда’). В цитируемых примерах из других языков: DIST — дальний демонстратив; PERF — перфект; DEF — определенный артикль; ACC — аккузатив.

Показатели косвенной основы имен и аспектуальных основ глаголов отделяются точкой. Знак - используется для отделения клитик. Локативные префиксы не отделяются и в строке глоссирования обозначаются в фигурных скобках. Немаркированные категории в строке глоссирования не отмечаются (абсолютив, единственное число, эссив), а при совпадении с косвенной основой заключаются в круглые скобки (эргатив, локализация IN, генитив). В примерах не из агульского языка сохранена транскрипция и глоссы оригинала.

Литература

- Алексеев 1985 — М. Е. Алексеев. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М.: Наука, 1985.
- Богомолова 2012 — Н. К. Богомолова. Личное согласование в табасаранском языке: концептуализатор и его адресат в структуре ситуации // Вопросы языкознания, 2012. № 4. С. 101–124.
- Бондарко 1971 — А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971.
- Ганенков и др. 2009 — Д. С. Ганенков, Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Дискурсивная анафора в агульском языке // НеФестшрифт: Статьи в подарок (к юбилею А. Е. Кибрика). Март 2009 г. URL: <http://otipl.philol.msu.ru/~kibrik/aek-jubilee.php>
- Дирр 1907 — А. М. Дирр. Агульский язык // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXVII. Тифлис, 1907.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя, 2003.
- Кибрик, Селезнев 1982 — А. Е. Кибрик, М. Г. Селезнев, Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке // Табасаранские этюды. М.: МГУ, 1982. С. 17–33.
- Кибрик, Тестелец 1999 — А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999.
- Косвен и др. 1960 — М. О. Косвен, Л. И. Лавров, Г. А. Нерсесов, Х. О. Хашаев (ред.). Народы Кавказа. I. М.: АН СССР, 1960.
- Магомедов 1965 — А. А. Магомедов. Табасаранский язык: Исследование и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1965.
- Магомедов 1970 — А. А. Магомедов. Агульский язык: Исследования и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1970.
- Майсак 2014 — Т. А. Майсак. Агульские тексты 1900–1960-х годов. М.: Academia, 2014.
- Мерданова 2004 — С. Р. Мерданова. Морфология и грамматическая семантика агульского языка: на материале хпокского говора. М.: Советский писатель, 2004.
- Сулейманов 1993 — Н. Д. Сулейманов. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала: ДНЦ РАН, 1993.
- Тарланов 1994 — З. К. Тарланов. Агулы: их язык и история. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994.
- Тарланов 2013 — З. К. Тарланов. Проблемы общей грамматики и грамматика агульского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2013.
- Шаумян 1941 — Р. М. Шаумян. Грамматический очерк агульского языка (с текстами и словарем). М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

- Arkadiev 2010 — P. Arkadiev. Clitic doubling: Towards a typology. Доклад на круглом столе «Клитики и синтаксическая типология». Москва, РГГУ, 7 июня 2010 г.
- Authier 2010 — G. Authier. Azeri morphology in Kryz (East Caucasian) // *Turkic Languages* 14:1, 2010. P. 14–42.
- Barbiers 2008 — S. Barbiers. Microvariation in syntactic doubling: An introduction // S. Barbiers, O. Koenenman, M. Lekakou, M. van der Ham (eds.). *Microvariation in Syntactic Doubling*. Bingley: Emerald, 2008.
- De Vogelaer 2008 — G. De Vogelaer. (De)grammaticalisation as a source for new constructions: the case of subject doubling in Dutch // A. Bergs, G. Diewald (eds.). *Constructions and Language Change*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- De Vogelaer, Devos 2008 — G. De Vogelaer, M. Devos. On geographical adequacy, or: how many types of subject doubling in Dutch // S. Barbiers, O. Koenenman, M. Lekakou, M. van der Ham (eds.). *Microvariation in Syntactic Doubling*. Bingley: Emerald, 2008.
- Friedman 2008 — V. A. Friedman. Balkan object reduplication in areal and dialectological perspective // D. Kalluli, L. Tasmowski (eds.). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008.
- Gippert et al. 2008 — J. Gippert, W. Schulze, Z. Aleksidze, J.-P. Mahé. *The Caucasian Albanian palimpsest from Mt. Sinai. Edition and interpretation*. Vol. 1. Turnhout: Brepols, 2008.
- Güldemann 2008 — T. Güldemann. *Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Kalluli, Tasmowski 2008 — D. Kalluli, L. Tasmowski. Introduction: Clitic doubling, core syntax and the interfaces // D. Kalluli, L. Tasmowski (eds.). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008.
- Kibrik 2011 — A. A. Kibrik. *Reference in discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2011.